

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ: ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

Людмила Абрамова - 1991 - 5 окт.

«Володя мне однажды сказал, что я никогда не относилась к нему как к мужу, а относилась как к старшему сыну. Это, конечно, не совсем правда, но что-то в этом есть. Сейчас, с поправкой на мои пятьдесят лет, я старше Володи. И отношусь к нему сейчас уже как к младшему. Мои дети — уже взрослые мужчины. Скоро они станут Володиными ровесниками. И я не разделяю Володю и детей, я люблю их одним сортом любви. В этом моя ошибка, но в этом и правда».

Эти слова сказаны о Владимире Высоцком Людмилой Абрамовой, которая была женой поэта-певца с 1961 по 1968 год. Актриса — мать двух сыновей Высоцкого, Никиты и Аркадия. Сейчас Людмила Абрамова работает художественным руководителем Дирекции по созданию музея Владимира Высоцкого в Москве. Это сейчас главное событие в ее жизни. А другое — книга о Владимире Высоцком, изданная в Москве. Воспоминания раскрывают образ поэта как любящего мужа, нежного отца, преданного друга. Некоторые страницы из воспоминаний мы предлагаем вниманию читателей.

ФАКТЫ ЕГО БИОГРАФИИ

ЛЮДМИЛА АБРАМОВА
О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

Нужно ли искать и знать всю правду? Нужно. Да, больше всех, полнее всех — и не только о себе, но и о других — рассказал Володя. Это стало уже таким общим местом, что и говорить об этом неинтересно. Интересно говорить о том, в состоянии ли мы что-то добавить к Володиному рассказу. Добавить что-то новое, неизвестное? Наверное, да. Потому что в его картине мира все-таки есть «белые пятна». Володя, как Магеллан, совершил кругосветное путешествие по своей душе и по нашим жизням. А ликвидировать эти «белые пятна» — это наш долг, долг тех, кто знает и помнит.

И тут вот что еще важно. Чем больше мы узнаем правду, пусть самую горькую, тем скорее поймем, что никакая правда не может бросить тень ни на Володю, ни на нас...

Когда Володя пропадал, то первое, чего я всегда боялась, — попал под машину, «в пьяной драке налетел на нож»... Я боялась милицеских протоколов... Все мы люди «причוכнутые» боязнью милиции, и мне это казалось очень страшным. Боялась ли я, что Володя ходит к женщинам? Нет, абсолютно. У меня и тени этой мысли не было. Боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет — «все».

Конечно, я мечтала, что Володя вылечится и этих исчезновений не будет. Тогда я свято верила, что стоит обратиться к врачам — и они сейчас же вылечат. И обращались...

У меня даже было такое смешение в памяти: годы, в которые Володя пил, этого времени было очень нем-

ного, а то время, когда Володя вообще не пил, — это было очень долго, это была целая жизнь. Хотя если вспомнить хронологически, то получается как раз наоборот...

А потом, когда пришел конец всему, я сразу поняла, что надо уйти. Просто надо собраться с силами и сориентироваться... Я не просто должна была сказать, что буду жить одна, без мужа. Его уже все любили, он уже был Высоцким. Я должна была у всех его отнять. Но если бы я знала раньше все, я бы ушла раньше.

Мы действительно с Володи по-хорошему расстались...

Если Володя в какой-то момент выбрал другую женщину, то это его выбор (речь идет о Марине Влади. — Прим. И. Д.). Его! Не то что женщина вероломно вмешалась, украла, разрушила семью, — Володя выбрал. Его право выбора для меня — это самый главный, святой закон. Я просто хочу, чтобы никому не приходило в голову начинать сравнивать... На кухонном ли уровне или на серьезном решать за нас классические русские вопросы: кто виноват и что нужно было делать?

Потом мы только по телефону говорили. А ребята у него часто бывали. Сами. А я до такой степени привыкла считать детей только своими детьми, что ужасно недооценивала, как им это важно — отец. И в чем-то, наверное, я их слегка обделила. Я считала, что Володя — это моя жизнь... И мне не приходило в голову, что это для них может быть важнее, чем для меня.

Думаю, что Никита по-настоящему успел увидеть Володю как актера. Он и на концерты ездил, и на спектаклях бывал почаще, чем Аркадий. Аркадий тоже ходил, смотрел, но как-то без энтузиазма.

Я думаю, что есть справедливость в том, что ребята чувствуют себя по отношению к Володе не отдельно от своего поколения. Это хорошо. Это скромнее, демократичнее и объективнее, чем если бы они привыкли быть сыновьями великого человека, — ездили бы на его машинах, пользовались бы контрамарками, валютой...

И я старалась, чтобы Володя не приносил в дом

слишком много, чтобы его приход не был какой-то материальной манной небесной. И Володя это понимал, никогда на это не обижался.

Как работал Володя над песнями?

Бывало по-разному: зависело от обстоятельств, от состояния. Допустим, когда писал при тысячевечовой лампочке с Валерой Золотухиным — это одна ситуация. У нас же была совершенно другая. Скажем, в Черемушках по тем временам была идеальная ситуация: двухкомнатная квартира. Но при этом в одной комнате Нина Максимовна и Никита, а в другой — мы вдвоем и Аркаша. Ну как тут сочинять во все горло?! И зачастую Володя, сочиняя песню, держал в руках гитару, не работая правой рукой, а левой только шелестел по струнам. Лады он брал, и движение шелестящих по струне пальцев — вот это единственный был аккомпанемент. Все остальное он себе представлял.

Еще у него была такая привычка: он отстукивал ритм ногой... Если было светло или можно было зажечь свет, он писал карандашом на бумаге, а если нет — на чем попало. В поезде, в дороге почти всегда писал на обложках книг.

Казалось бы, начало шестидесятых годов — такое вре-

мя темное, пустое в Володиной биографии. Но было то, чего не было никогда — ни до, ни после — было свободное время! И была жажда работы — вот он и создавал свой репертуар.

Володины устные рассказы... Страшно интересно было бы найти их записи. Было несколько заготовленных. Скажем, серия рассказов про Серегу и Сережу. Они были в разной степени косноязычны и картавили на разные буквы. А замечательный цикл про умнейшую собаку. Рекс. Этот цикл рассказов относился, по-моему, к отставному милиционеру, у которого и была умнейшая собака Рекс, значительно умнее хозяина... Большая серия рассказов про

Никиту Сергеевича Хрущева. Сказать, что Володя его не любил, было бы неверно, Володя его уважал и очень ценил. Еще Володя был очень хорошим имитатором. Он мог абсолютно точно изобразить кого хочешь: большого, маленького, похожего, непохожего, любой национальности, с любым акцентом...

Почему после девяти лет молчания и достаточно уединенной жизни работаю в музее Высоцкого? Потому что это нужно. Нужен музей, и мое посильное участие тоже необходимо. Самое печальное во всей в общепринятой оптимистической ситуации с наследием Высоцкого — то обстоятельство, что разобщены его друзья, разбиты на группы люди, которые

занимаются изучением его творчества.

Русский поэт — всегда трагическая фигура. Трагическая по сути своей и драматическая в смысле сложности конфликтов поэта и его окружения: политического, социального, семейного, дружеского. Естественно, что и посмертная судьба долго остается трагической.

Нужно в каждом пробудить чувство боли от этой разобщенности... А если сближения и окончательного примирения не произойдет, то каждый из нас, уходя, будет страдать от того, что мы не успели помириться в этой жизни.

Подготовила
И. ДОБРОТИНА.